

Джей Ти Флауерс, стипендиат премии Родса (Rhodes Scholar), говорит о проведенном в районе Альбина детстве, баскетболе и Йельском университете

В прошлом месяце Джавон «Джей Ти» Флауерс стал одним из 32 американцев, получивших стипендию Родса, одну из самых престижных академических премий в стране. Флауерс, которому на данный момент 24 года, родился и вырос в районе Альбина города Портленда и посещал старшую школу Линкольн. Флауерс поедет на обучение в Оксфордском университете следующей осенью. На прошлой неделе он согласился на интервью в холле федерального здания 911, где он работает в офисе представителя США Эрла Блуменауера.

Где и как вы узнали о том, что удостоились стипендии Родса?

Они объявляют о своем решении на месте, сразу после интервью со всеми финалистами. Все зашли в комнату (все интервью проходили в Сиэтле), финалисты стали в одну линию, потом зашли судьи, сказали несколько слов, а потом объявили имена двух победителей в алфавитном порядке. И все.

Вы были первым или вторым?

Я был первым. Я был в шоке. Я даже и подумать не мог о том, что есть вероятность того, что я выиграю, учитывая то, как прошло интервью и насколько невероятными были мои соперники. Я много общался с ними на протяжении двухдневного интервью и познакомился со многими другими участниками, с которыми я, можно сказать, соревновался. Я и не думал, что у меня есть шанс.

Вы помните свою реакцию?

Я был настолько потрясен, что просто разрыдался. Я даже ничего не мог сказать. Я был в состоянии полного и абсолютного отрицания. Я плакал около 10 минут. Они пытались узнать у меня как я себя чувствую, но я не мог говорить, я не мог сформулировать предложение. Это было что-то невероятное.

Вы один из 10 афроамериканцев, получивших стипендию Родса в этом году. Что это означает для вас?

Это вдвойне приятно, учитывая процесс отбора кандидатов. 32 стипендиата выбирают из 16 округов в США. В каждом округе 16 финалистов, а выбирают только двух. Они определяются совершенно разными комитетами, которые не советуются друг с другом. Так что тот факт, что выбрали такое большое количество афроамериканцев предполагает, что члены комитета действительно задумываются о том, насколько важно предоставить такую возможность людям из исторически маргинальных общин.

Вы выросли в районе Альбина. Вы видели много изменения в вашем районе. Давайте поговорим о том, что вы помните о своем районе и какой он сейчас, насколько он изменился.

Я вырос в пик джентрификации северной и северо-восточной части Портленда. Когда я родился в 1993, мой район был заселен черными на 69 процентов, а средняя стоимость дома была от \$45 000 до \$50 000. В 2010 г. мой район на 65 процентов заселили белые, а средняя стоимость дома составляет теперь от \$450 000 до \$500 000. Эти изменения произошли у меня на глазах.

Это очень интересно. Иногда, когда я вдалеке от дома и вспоминаю о детстве, мне кажется, что я выдумал некоторые произошедшие ситуации. А потом я хожу по этому гиперджентрифицированному району и все кажется таким родным. Это не совсем понятный ответ, но это то, что я чувствую.

Вы были звездой баскетбола в школе Линкольн. Вы всегда участвовали в соревнованиях штата. Насколько важно это было для вас в то время?

Из того района, в котором я вырос, не было много выходов, а баскетбол был нитью, за которую все тянулись. Баскетбол занимал все мое время и поглотил меня как личность. Три или четыре раза в неделю я вставал в 5:30 утра, садился на автобус No. 6, переезжал реку и забрасывал мяч около 500 раз до начала занятий. Я шел в спортзал в обед, с 12 до 12:40, и играл с друзьями. Я оставался после занятий и тренировался до начала тренировки с командой. Я занимался от рассвета до зари.

Вы представляли себя в NBA?

Да, это было моей мечтой. Это всегда было моей мечтой.

Как вы смогли изменить ракурс от баскетбола до обучения?

В начале 11-го класса я повредил лодыжку и это очень снизило уровень моих возможностей. Я вернулся в спорт слишком рано, ухудшил состояние травмы и уже не был тем игроком, которым я был раньше.

Летом, между 11-м и 12-м классом, я принял решение изменить AAU команды. Я хотел играть в большой школе. Я хотел пойти в UCLA или в USC. Я думал, что тренера из этих университетов не будут присутствовать на моих играх, если я буду продолжать играть в Портленде. Так что я перешел в команду под названием «Double Pump» в Лос-Анджелесе. И из лучшего игрока в своей команде в Портленде я стал 5-м в новой команде. Это означало, что несмотря на то, что более профессиональные тренеры присутствовали на моих играх, они рассматривали меня как простого игрока.

Совпадение этих двух ситуаций (травмы и решения идти к звездам) в конце концов привели к окончанию моей карьеры. Многие университеты забрали свои предложения.

Вы попали в Йельский университет [после длительного процесса пересдачи курсов и года обучения в закрытом учебном заведении]. Как вам это удалось?

Мэтью Кингсли, помощник тренера в Йельском университете, он позвонил мне. Я даже не знал где находится Йельский университет. Я слышал о нем, но не знал что он означает. Он сказал: «Выбор университета – это не просто решение на следующих 4-е года, это решение на следующие 40». Это отличный рекрутинг.

Насколько быстро вы поняли престижность Йельского университета?

Как только я повесил трубку, я начал рыться в интернете. Я не поверил своим глазам. Я не думал, что когда-либо смогу попасть в такое заведение.

В Йельском университете вы играли всего год, а потом сосредоточились на учебе. Почему вы решили все радикально изменить?

Баскетбол всегда был для меня моим убежищем, способом борьбы со стрессом, своего рода спасением из того хаоса, в котором я вырос. Когда я пошел в колледж, то баскетбол стал для меня источником стресса. Я должен был забыть о NBA, я осознал, что мой поезд ушел. Это заставило меня задуматься о том, какой будет моя жизнь после ухода из спорта, и я понял, что совсем не готов ни к чему, кроме спорта.

Я начал задумываться о своем детстве и о причинах того, почему я вырос считая, что у меня только один выход. Это позволило мне взглянуть на мир по-другому. Я осознал, что моя ситуация и обстоятельства, с которыми столкнулось такое большое количество моих друзей и членов семьи, – это результат тщательно спланированных решений законодателей. Эти решения влияют на жизни людей. Так что, если я хотел предоставить людям возможность выхода из сложившихся ситуаций, я должен был понять структуру, благодаря которой эта возможность предоставлялась бы людям.

На своей странице в Фейсбуке вы пишете о том, что в вашей жизни был момент, когда вы хотели вырваться из Портленда и больше никогда не возвращаться сюда. Как это решение изменилось?

Это было подсознательным изменением, и я совсем этого не ожидал. Как только я уехал, меня переполняла радость, и я думаю, что все в моем районе тоже радовались за меня. Когда я уехал, моя мама очень гордилась мной. Она чувствовала, что справилась со своей задачей, что помогла сыну выбраться из той ловушки, в которой он родился.

Я считаю, что многие люди из таких общин как я, представляют себе это место как город, который подавляет возможности. И я считаю, что оно так и есть. Когда я обучался в Йельском университете, я много путешествовал, так как был на полной стипендии. Я увидел, что те сложности, с которыми сталкивается Портленд, присущи не только этому городу, но они существуют и по всему миру.

Я очень заинтересовался международными отношениями, правами беженцев и доступом к возможностям у молодежи в западной Европе. Некоторые мои друзья подтолкнули меня рассмотреть эти вопросы детальнее. Они сказали: «Эй, если ты осознаешь, что не можешь повлиять на ситуацию, следующий твой вопрос должен быть – где я могу применить свои знания и изменить ситуацию». Единственным ответом был дом, Портленд.

-Майк Токито